

УДК 811.11:811.16:81 373

UDC 811.11:811.16:81 373

**«ВЕЩЬ В СЕБЕ» ИЛИ МЕНТАЛИСТСКИЙ
ПОДХОД К ВЕРБАЛИЗАЦИИ
ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В
АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ**

**SELF-CENTERED OR MENTALIST
APPROACH TO THE VERBALISATION OF
MENTAL PROCESSES IN THE ENGLISH
DISCOURSE**

Куприева Ирина Анатольевна
к.ф.н
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия*

Kuprieva Irina Anatolyevna
Cand.Philol.Sci.
*Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia*

Статья посвящена рассмотрению специфики вербализации психических процессов в современном английском дискурсе. Учитывая сложность объекта исследования, в качестве принципиального подхода видится менталистский или когнитивный, позволяющий рассматривать динамическую характеристику психики и как объект и как инструмент исследования

The article is devoted to the study of peculiar features of mental processes verbalization in the contemporary English discourse. The choice of the mentalist or cognitive approach to the object of study is explained by its complexity; so this very approach will help to view upon the dynamic characteristics of psyche as upon the object of study and as the method of study at the same time

Ключевые слова: ЛЕКСЕМА, ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, МЕНТАЛИСТСКИЙ ПОДХОД, ГЕШТАЛЬТ

Keywords: LEXEME, MENTAL PROCESSES, MENTALIST APPROACH, GESTALT

**«ВЕЩЬ В СЕБЕ» ИЛИ МЕНТАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К
ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ**

Настоящая статья посвящена исследованию одного из самых сложных и комплексных объектов, то есть изучению специфики вербализации психических процессов в современном английском дискурсе. В данном случае психические процессы выступают и в качестве объекта исследования и в качестве инструментария когнитивного подхода, позволяющего апеллировать к глубинным механизмам человеческого сознания посредством условного моделирования соответствующих ментальных структур, отвечающих за получение, хранение и переработку опыта с последующей проекцией такового в семантику лексических единиц. Обращение к заявленному подходу весьма актуально на сегодняшний момент, поскольку когнитология, как дисциплина, изучающая универсальные законы человеческого мышления, позволяет

ученым выйти на междисциплинарный уровень и учесть всю экстралингвистическую базу формирования и модификации значения. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что научное новшество, пришедшее совместно с заявленным подходом, не только не противоречит традиционным исследованиям, но и принимает в расчет любые их сведения и методы, а также сочетает таковые с собственными инновационными разработками. Таким образом, получается, что в арсенале когнитивиста-исследователя наличествует целый инструментальный массив, дающий возможность не только выявлять концептуальные основания формирования семантики в синхронии, но и добраться до этимологического анализа и тем самым показать особенности модификации значения лексем, вербализующих даже универсалии на диахронном уровне. Решение такой задачи, то есть описание возможности влияния исторического и дискурсивного факторов, планируется частично осветить в настоящей статье. Обратимся непосредственно к описанию выбранной проблематики.

Итак, столь актуальная на сегодняшний момент лингвистическая парадигма, когнитология, своим появлением обязана теории познания, психологии, философии и многим другим отраслям научного знания. Учитывая столь обширную схоластическую платформу, о когнитивной лингвистике говорят как о науке «о знании и познании, о результатах восприятия внешнего мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу когнитивных процессов» [3: 34]. Считается, что отмеченные ученой «данные, репрезентированные нашему сознанию», составляют основу теорий «менталистского плана», в основе которых лежат ментальные конструкторы, определяющие лингвистические репрезентации [2]. Причем, эти самые ментальные структуры, как было

отмечено ранее, содержат знания междисциплинарного характера, отражают взаимосвязь сложных аспектов восприятия, мышления, категоризации и т.д.

В свете такого подхода интересен факт исследования «вещи в себе». Иными словами, особого внимания заслуживает исследование «проблемы проекции» [7] психических процессов и их вербализации посредством изучения ментальных репрезентаций как результата слаженной работы психических процессов в том числе. Как отмечал Дж. Лакофф, «структуры, организующие наши концептуальные системы вырастают из нашего телесного опыта и выводят смысл на его основе ... те же концепты, которые не опираются прямо на опыт, используют метафору, метонимию и ментальную образность, базирующиеся на нем» [10: xiv]. Согласно такой точке зрения, мышление субъекта автономно обрабатывает абстрактные символы, которые впоследствии приобретают значимость посредством соотнесения с референтами номинации.

Референт номинации – психические процессы, согласно данным психологических и когнитивных источников, описывает психические процессы как условно выделенные составные элементы психики, специфические триггеры познания окружающей действительности, проявления психики в единстве таких составляющих, как ощущение, восприятие, мышление, память, воображение, речь [4], функционирующие слаженно, независимо от желания индивида и его намерений. И если учитывать вышесказанное, а также то обстоятельство, что значение слова носит энциклопедический характер [9], можно предположить, что все слова, соотносящиеся с вниманием, памятью, мышлением, воображением, восприятием и т.д. должны быть априори отнесены к классу «психические процессы». Однако класс рассматриваемых слов, по наблюдениям за фактическими данными, не может ограничиваться исключительно критерием соотнесенности с экстралингвистическими данными. Дело в

том, что в пределах определенного дискурсивного пространства, то есть того или иного «возможного (альтернативного) мира», который «требует особого использования языка для выражения особой ментальности» [6], возможно и функционирование многих, практически любых лексических единиц, в качестве лексем психических процессов. Таким образом, можно говорить о том, что сам дискурс, выступая сложным единством языковой формы, значения и действия [1] служит некоторой коммуникативной живой средой, способной модифицировать семантическую составляющую лексем и со временем вести к закреплению таковой в словарной дефиниции.

Разумеется, семантические модификации – явление не сиюминутное. Более того, зачастую за изменением значения стоят длительные исторические периоды, и даже определенные события, и данный вывод, естественно, не является голословным. Он требует определенной доказательной базы, которая ввиду формата статьи не может быть полноценно представлена. Тем не менее, нельзя не проиллюстрировать заявленную гипотезу этимологическим анализом наиболее репрезентативной лексемы *mental* и указать на диахроническую модификацию значения. Соответственно, обращаемся к исследованию этимологии и системному анализу прилагательное *mental*, номинирующего психические процессы в современном англоязычном дискурсе и на этом основании коррелирующего с объектом исследования. Итак, рассматриваемое прилагательное происходит от латинского *mentālis, mēns*, что соответствует современному «*mind*» и первоначально имеет буквальное значение «*ментальный, относящийся к сфере сознания*», что зафиксировано в исторических литературных источниках, например:

He undertook, therefore, to write a treatise for the purpose of instructing them in all those mental qualities which, in the fourteenth century, were looked upon as constituting the character of ... (Book of the Knight of La Tour-Landry :

compiled for the instruction of his daughters : translated from the original French into English in the reign of Henry VI.) [11] – *Он приступил к написанию трактата о тех психических качествах, которые, в четырнадцатом веке, рассматривались как составляющие характера ...*

Помимо заявленного значения, этимологические словари свидетельствуют о референции прилагательного *mental* и значения «художественный вкус», «философское осознание» и датируют эту референцию 1782 годом [11].

Дальнейшее использование прилагательного *mental* относилось к словарным статьям при дефинировании различных заболеваний, психических расстройств, например:

Paranoia «mental disorder characterized by systematized delusions," 1848 (earlier paranoea 1811), from Greek paranoia "mental derangement, madness," from paranoos "mentally ill, insane," from para- "beside, beyond" (see para- (1)) + noos "mind» [11].

Современное же толкование рассматриваемого прилагательного как «ментальный, интеллектуальный» наряду с первоначальным значением «психически больной», которое, кстати, отодвигается на периферию семантической структуры, допускает и участие этого прилагательного в сленговых выражениях для описания психически нездорового человека, сумасшедшего, что, естественно, отражено в лексикографическом источнике:

- «1. of or involving the mind or an intellectual process;
2. occurring only in the mind *mental calculations*;
3. (Psychiatry) affected by mental illness *a mental patient*;
4. (Medicine) concerned with care for persons with mental illness *a mental hospital*;
5. (Psychiatry) *Slang insane*» [12].

В устойчивом выражении психические процессы «*mental processes*» значение прилагательного *mental* иллюстрирует данные психологии или когнитивной науки, означая при этом деятельность отдельных элементов психики по выполнению некоторых психических операций, например: *mental process* – «(psychology) the performance of some composite cognitive activity; an operation that affects mental contents; "the process of thinking"; "the cognitive operation of remembering" cognitive operation, cognitive process, process, operation; cognition, knowledge, noesis - the psychological result of perception and learning and reasoning; basic cognitive process - cognitive processes involved in obtaining and storing knowledge; higher cognitive process - cognitive processes that presuppose the availability of knowledge and put it to use; psychological science, psychology - the science of mental life» [12]. Иными словами, представленная словарная дефиниция указывает на такие составляющие психики как мышление, восприятие, память, высшие психические процессы типа познания и т.д.

Кроме того, фактический материал изобилует примерами использования словосочетания *mental process* в значении «*психический процесс*» без каких-либо дополнительных положительных или отрицательных коннотаций. Например, в предложении:

She was not going through any acute mental process or reasoning with herself, nor was she striving to explain to her satisfaction the motive of her action (The Awakening and Selected Short Stories by Chopin, Kate) [12] речь идет о нежелании или невозможности героини включиться в мыслительный процесс найти объяснения своим собственным поступкам.

Сплошная выборка из источников эмпирического материала показывает, что в буквальном смысле словосочетание *mental process* регулярно встречается в ситуациях типа:

Doing long division is a mental process and so is making a joke [8]. – *Математическое деление – это такой же длительный ментальный процесс, как и создание шутки.*

There is a mental process underlying all actions in all creatures, just as there is with man [8]. – *Действия и поступки всех живых существ, в том числе и человека, предопределяются психическими процессами.*

The brain manages the anger response so quickly because a set mental process is involved [8]. – *Высокая скорость аффективной реакции мозга является следствием функционирования психических процессов.*

В основном, как видно из приведенных примеров, словосочетание *mental process* характерно для научного стиля повествования, преимущественно, если речь идет об отсутствии акцента на характере, виде и качестве психических процессов. Кроме того, анализ фактического материала свидетельствует о нерекуррентности использования словосочетания *mental process* в художественном дискурсе, тем не менее, это словосочетание типично для таких ситуаций типа:

He had a faraway, Buddhist look in the eyes — a kind of stillness and peace that denoted the complete absence of any mental process [8]. – *В его глазах был отрешенный буддистский взгляд – тот самый, который означает мир, спокойствие и отсутствие каких-либо психических процессов.*

Употребление данного словосочетания в ином переносном значении не зафиксировано ни в одном из рассмотренных нами источников фактических данных. Более того, анализ фактических данных позволяет сделать вывод о том, что специализированный дискурс, естественно, высвечивает прямое значение рассматриваемого выражения, однако употребление этого словосочетания исключительно специализированным дискурсом не ограничивается. Художественное повествование несколько утрирует значение, делает его наиболее общим и не детализирующим

процессы, входящие в состав динамической характеристики психики. Таким образом, получается, что дифференцированное восприятие значения словосочетания обусловлено некоторыми дискурсивными факторами. Иными словами, узкоспециализированное значение словосочетания возможно в специализированном дискурсе, в то время, как художественный дискурс не ставит своей целью уточнять содержание значения.

Столь разноплановые выводы об особенностях описания той или иной грани психических процессов посредством лексических единиц, в нашем случае словосочетания *mental processes*, обращают к объяснению контекстуально обусловленной полисемантичности как в синхронии, так и в диахронии, с опорой на постулаты когнитивной лингвистики. Итак, в результате обращения к когнитивному подходу для описания и отражения указанной закономерности на первый план выходит метод лингвокогнитивного моделирования, который обращает исследователя к изучению и представлению некоторой ментальной структуры, характер которой динамичен, подвижен и лабилен с учетом влияния как дискурсивных, так и исторических факторов. Применительно к настоящему исследованию такой релевантной структурой видится гештальт как ментальный конструкт, отвечающий за целостное восприятие рассматриваемого понятия, то есть за комплекс системных и функциональных значений. Заявленная ментальная структура служит фоном для понимания того, что воспринимается нами как некоторый аспект гештальта. Иными словами, все контекстуально обусловленные значения лексемы в совокупности с системными, подверженными и дискурсивным и историческим факторам, служат основным фоном для высвечивания того или иного значения в пределах определенной коммуникативной ситуации. Кроме того, положительным моментом использования гештальта как инструментария является его взаимосвязь с

другими различными гештальтами, то есть, как свидетельствуют данные современной гештальт-психологии, одна такая когнитивная структура также не исключает наличие другой, та, в свою очередь, третьей, более дробной и т.д. Результатом такой структуризации сознания является богатая и разнообразная концептуальная канва, «необходимая для полного понимания любой данной ситуации» [5: 4] вне зависимости от ее лексического заполнения, однако со спецификацией таковой опять же посредством акцента на определенных гранях ситуации в семантике выбранной лексемы. Иными словами, данное обстоятельство иллюстрирует положение гештальт-психологов о высвечивании части в целостной структуре гештальта. Так, процесс понимания, по их мнению, высвечивает только те компоненты ситуации, которые соответствуют гештальту, и «скрывает или преуменьшает значимость тех, которые ему не соответствуют» [5: 4]. Таким образом, получается, что все значения лексемы, будь то зафиксированные в словаре или модифицированные в дискурсе или с течением времени, воспринимаются человеком адекватно в пределах определенной коммуникативной ситуации, в которой гештальт, будучи концептуальной основой формирования и модификации значения, проявляет свою динамическую сущность и лабильность под влиянием заявленных внешних факторов.

Кроме того, гештальт выступает в качестве условной типологической единицы, отражающей слаженную работу психических процессов по аккумулярованию, переработке и архивации данных, что позволяет ему, как отмечалось выше, быть инструментарием когнитивного подхода. Заявленные преимущества, по нашему мнению, как нельзя лучше соответствует ментальной структуре, вербализуемой лексическими средствами, номинирующими когнитивные процессы и одновременно указывающим на их синкретизм в процессе обработки данных. Именно гештальт, в частности, его организация часть-целое, динамичная структура

с учетом высвечивания, а также способность к дроблению на более мелкие гештальты и объединение в богатый эмпирический фон позволяют говорить о наличии концептуальной основы многогранного лексического значения, как в отношении его системности, так и в отношении модификации в синхронии и диахронии.

Выводы, полученные в результате исследования семантики словосочетания *mental process*, открывают большие перспективы по обработке целого массива лексических единиц абстрактной семантики, то есть лексем психических процессов различной частеречной принадлежности. Думается, что подобного рода лингвистическая процедура позволит систематизировать целый пласт слов, соотносящихся с психической сферой, указать на динамику семантики универсалий, что выносится на перспективу настоящего исследования.

Список литературы:

1. Дейк Т.А. ванн. Язык. Познание. Коммуникация: Пер с англ./ Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Когнитивно-семантические параметры некоторых языковых единиц / Аксельруд Д.А., Дубовская А.В., Яковенко О.В. и др. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 190
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 34-47.
4. Психические процессы // Национальная психологическая энциклопедия. 2013. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/893/word/psihicheskie-procesy>
5. Сергеева В.М. Язык и моделирование социального взаимодействия. 2012. URL: <http://vpkla.ru/books/sergeeva-vm-yazyk-i-modelirovanie-sotsialnoro-vzaimodeystviya-razdel-2/stranica-2>
6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 38-39.
7. Baker C.L. Syntactic theory and the projection problem. *Linguistic Inquiry*. MIT Press. Vol. 10.No. 4 1979. pp. 533-581.
8. British National Corpus (BNC). Simple Search of BNC-World / University of Oxford. Oxford, 1992. URL: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>.
9. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // *Cognitive Linguistics*. 1993.4(4). P. 335-370.
10. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. xiv
11. Online Etymology Dictionary / Douglas Harper. 2001-2013. URL: <http://www.etymonline.com/>

12. The Free Dictionary by Farlex / Farlex, Inc. 2013. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>

References

1. Dejk T.A. vann. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija: Per s angl./ Sost. V. V. Petrova; Pod red. V. I. Gerasimova; Vstup. st. Ju. N. Karaulova i V. V. Petrova. M.: Progress, 1989. 312 s. (in Russian)
2. Kognitivno-semanticheskie parametry nekotoryh jazykovyh edinic / Aksel'rud D.A., Dubovskaja A.V., Jakovenko O.V. i dr. Pjatigorsk: PGLU, 2009. 190 s. (in Russian)
3. Kubrjakova E.S. Nachal'nye jetapy stanovlenija kognitivizma: lingvistika - psihologija - kognitivnaja nauka // Voprosy jazykoznanija. 1994. №4. S. 34-47. (in Russian)
4. Psihicheskie processy // Nacional'naja psihologicheskaja jenciklopedija. 2013. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/893/word/psihicheskie-processy> (in Russian)
5. Sergeeva V.M. Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija. 2012. URL: <http://vpkla.ru/books/cepgeeva-vm-yazyk-i-modelirovanie-sotsialnoro-vzaimodeystviya-razdel-2/stranica-2> (in Russian)
6. Stepanov Ju.S. Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip Prichinnosti // Jazyk i nauka konca HH veka. M., 1995. S. 38–39. (in Russian)
7. Baker C.L. Syntactic theory and the projection problem. Linguistic Inquiry. MIT Press. Vol. 10.No. 4 1979. pp. 533-581.
8. British National Corpus (BNC). Simple Search of BNC-World / University of Oxford. Oxford, 1992. URL: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>.
9. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // Cognitive Linguistics. 1993.4(4). P. 335-370.
10. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. xiv
11. Online Etymology Dictionary / Douglas Harper. 2001-2013. URL: <http://www.etymonline.com/>
12. The Free Dictionary by Farlex / Farlex, Inc. 2013. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>